

Генерал Зубков имел давнюю привычку вставать вместе с солнышком. Точнее, не позже шести, как это и водится у тех, кто жизнь свою связал с армейской службой. Если просыпался раньше, всё равно не давал себе зря залёживаться. Вставал быстро, решительно, разминал полусонное тело знакомым армейским комплексом, который и теперь не был в тягость, несмотря на его полновесных шесть десятков. Энергично проделывал весь комплекс, затем переменный, бодрящий душ. Привычная чашка овсянки, бутерброд с сыром-колбаской, крепкий кофе. И – вперёд.

Сегодня он поднялся в пять, чтобы успеть до того, как начнёт припекать июльское солнышко, преодолеть большую часть

пути, непременно миновать Чернь, а там до знаменитой тургеневской усадьбы рукой подать... Нынешняя дорога лежала именно туда, в усадьбу Ивана Сергеевича, который, признаться, нравился Зубкову больше других писателей. Из отечественных именно – Тургенев. Из зарубежных – Хемингуэй. Нравились оба писателя тем, что в обоих чувствовалась настоящая мужская жилка, если не сказать точнее, мужицкая сила. Да и как не нравиться. Оба были по-мужски красивы, да и жили красиво, любя всё живое, любя природу, по-настоящему предаваясь тому, что заложено природой в мужскую натуру. Уметь прекрасно охотиться, преследовать, а затем и добыть эту самую дичь, какой бы ловкой и стремительной та не была.

Будучи неплохим охотником, он ценил эту страсть и у других.

Увлечение великих писателей было Зубкову сродни, более того, он чувствовал с ними самую тесную, кровную связь, будучи уверен, что и тот и другой имели, не могли не иметь отношения к его профессии. Правда, в официальных источниках он пока что не нашёл доказательств своим предположениям. Однако, у Зубкова были основания полагать, что оба замечательных человека состояли в той потаённой, драгоценной касте резидентов, или как её там не обозначь, так и оставшихся нераскрытыми до своего последнего часа. Что Хэм, с его странствиями из одной страны в другую, что Тургенев с его непоседливым образом жизни, с постоянными разъездами по стране и за рубежом...

Он часто раздумывал над судьбой именитого соотечественника. В чём-то даже сочувствовал ему, но кое за что в душе и корил. К примеру, за то, что такой мудрый, видный, достойный во всех отношениях мужчина, вместо того, чтобы у себя на родине увлечь достойную особу, так нет же, выбрал заграничную гусыню, которую, по его мнению, уж красивой никак нельзя было назвать. ... Эх молодость-молодость... Да и что было спросить с двадцатипятилетнего щёголя, повесы, даже в известной мере дон-жуана, неспешно процеживающего во время долгих прогулок вдоль парижских бульваров довольно-таки заинтересованные взгляды встречных дам. Да и как было этим дамам не засмотреться на почти двухметрового красавца отличного телосложения в добротном пригнанном дорогом костюме с искрой?

Это когда ещё встретится Ивану Сергеевичу Мария Гавриловна Савина? Когда ёкнет сердце седого льва, изрядно потрёпанного жизнью и всевозможными житейскими обстоятельствами? Когда? Почти на склоне лет. Когда позади останется и швея,

недолгие отношения с которой так нехотят осложнят его жизнь рождением девочки Пелагеи, которая, хочешь того или нет, является по сути, твоей дочерью... И которая, осознав свои права, вдруг решит побороться даже не столько с отцом, сколь с той бесовской колдуньей-полукровкой, что отодвинула её мать, пусть скромную швею, от её отца, всемирно известного писателя...

Жаль-жаль, что так поздно встретила Ивану Сергеевичу Мария Гавриловна Савина. Очень жаль... Но и спасибо, что встретила. Хотя на самую малость, да согрела душу старого человека, который вынужден был в одном из писем к ней признаваться, что остался на краешке чужого гнезда. И чего стоило подобное признание при его-то гордыне! Жаловаться молоденькой женщине на свою невесёлую, стариковскую долю. Хотя какая там старость! При этой неожиданной мысли Зубков несколько даже оторопел, прикидывая годы жизни классика. Тому же Ивану Сергеевичу было отмеряно всего шестьдесят четыре, а ко времени встречи с Савиной ещё и шестидесяти не было...

Что же до взаимоотношений Тургенева и Виардо, то Зубкову многое казалось сомнительным в этих романтических отношениях. И сомневался долго, до тех самых пор, пока не допустил мысли, что та же Полина Виардо, без сомнения, не на шутку влюблённая в русского богатыря и кудесника слова, могла преспокойно поработать на него и как на резидента, разумеется, даже не подозревая того, что работает на Российское государство... Для Ивана же Сергеевича, если допустить версию, что он работал на соответствующую российскую службу, Полина оказалась весьма ценной находкой. Прекрасно играет и поёт, свободно владеет испанским, французским, вращается среди влиятельных, деловых людей, затем охотно за чашечкой кофе или бокалом шампан-

ского, которое обоим не противопоказано, незначай одаривает своего замечательного во всех отношениях русского друга столь необходимой и полезной для него информацией...

Могло же быть так? Могло... Известно, чем закончился для Франции 1812 год. Но известно также и то, что серьёзное поражение долго не забывается тем, кто потерпел его. И такой правитель, такое государство, проигравшее в войне, непременно всегда ищет, да и будет искать отмщения, чтобы отплатить за горькое поражение, за выпавшие страдания...

Победителю же, что, к сожалению, не всегда берётся в толк, нужно держать уши на макушке. Нужно иметь надежную сеть информаторов...

В той же биографии Ивана Сергеевича присутствует короткая запись, что тот недолгое время поработал в Министерстве внутренних дел. А дела внутренние, как правило, нередко тесно переплетены с делами внешними.

Как, к примеру, объяснить тот факт, что после службы в Министерстве внутренних дел у молодого и не больно богатого человека из провинции (матушка Варвара... цену денежке знала и не позволила бы так беспечно транжирить копейку) следуют разъезды за разъездами? И всё по странам Европы. Что он там и для кого искал? И, что, в конечном счёте, нашёл?

Однако сколько всё же тайн так и останутся тайнами на веки вечные, которые никому не дано разгадать...

– Никому и никогда, – выдохнул с особым чувством изумления Зубков, беспокойно пройдясь казанками пальцев левой руки по слегка приспущенному боковому стеклу...

То, что сделал Тургенев, как выдающийся литератор, давно и хорошо известно просвещённому миру. Что же до того, что

принёс он на алтарь своему Отечеству, как облечённый тайными полномочиями, о которых и положено-то знать лишь единицам, да, возможно, одному лишь всевышнему, можно лишь догадываться.

Но даже, если отместить предположение о возможной причастности Ивана Сергеевича к той службе, что занималась внешней разведкой, то всё равно не может не изумлять именно то обстоятельство, сколько же времени, трудов и забот отдал он, чтобы, по его же признанию, сделать творения русской культуры достоянием всего цивилизованного мира. А всё интересное, созданное западными современниками, имеющее хоть какое-то значение для прогресса, дальнейшего развития культуры, сделать достоянием русского читателя и зрителя... И как же было Ивану Сергеевичу не войти в тот «кружок пяти», стать равноправным его членом, сидеть за одним столом и вести непринуждённые беседы с такими знаменитостями, как Доде, Флобер, Золя, Гонкур, как и впоследствии примкнувшим к ним Мопассаном, объявившим себя учеником господина Тургенева...

В этой поездке, как и в прежних, Зубкова сопровождал старший офицер Быков, отличавшийся от других подчинённых своей постоянной молчаливостью, даже, если не сказать больше, угрюмостью. Быков был из той людской породы, из которой и при всем желании лишнего слова не только не вытянуть, но и выбить было невозможно. Да и славно! Даром что ли говорится, молчание дороже золота. А это качество для тех, кто числится по их ведомству, пожалуй, самое главное.

Ещё сядясь в машину, крепко сработанную, с отличным форсированным движком «Волгу», Зубков, по давней привычке, намеревался присесть на переднее сиденье, рядом с водителем, капитаном Бурматовым, но старший офицер Быков упредительно

открыл заднюю дверцу, позади водителя, тем самым, молчаливо напомнив о соблюдении того требования, которое было предписано им, высшим должностным лицам страны, с недавних пор, а именно после гибели первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Петра Мироновича Машерова.

Гибель замечательного человека, доказавшего своё мужество в партизанской борьбе в белорусских лесах в годы Великой Отечественной, а затем и в трудоёмкой послевоенной работе, вытягивая разрушенную республику и таки вытянувшего её, потрясла многих. Потрясла своей неожиданностью, своей нелепичей. Так не должно было быть. Не могло. Сознание протестовало против этой неоправданной, такой непредсказуемой гибели. Почему первый человек республики отправился в поездку без машины сопровождения? Почему сел на переднее сиденье рядом с водителем, пренебрегая установленным правилом? И как так случилось, что на пустынной просёлочной дороге перед правительственной машиной неожиданно вырос трёхосный самосвал. Почему? Очень много возникало этих самых «почему».

А может, и вырос этот самосвал, гружённый доверху колхозной свеклой, потому, что это кому-то было нужно? Зубкова никто не надоумил озадачиться этим вопросом. Да и кто бы из сослуживцев, близких друзей по службе, с кем иногда приходилось делиться сокровенным, мог заронить подобную мысль? Опасная, весьма опасная мысль, но она давно уже преследовала Зубкова. А может, кто-то из тех, что числился в резерве на должность первого секретаря ЦК Компартии республики и уже изрядно притомившийся в долголетнем ожидании, мог предусмотреть эту встречу грузовика, гружённого колхозной свеклой, с правительственной машиной на пустынной просёлочной дороге? А может, это и вовсе не происки заждавшегося соперника?

А, быть может, эта, никогда не высказанная вслух, но верно угаданная мысль самого главного человека в стране, который, конечно же, не мог не думать как о своём преемнике, так и о сопернике, тайно примеряющемся к его креслу? Зачем ему, уставшему от многотрудных государственных забот, вместо того, чтобы спокойно спать-почивать в ночные часы, так нет же, подкармливать прожорливую тварь-бессоницу своими тревогами, сомнениями? Зачем?

Да, дорога есть дорога, раздумывал Зубков, наблюдая за быстро мелькающим за окном пейзажем. Чего только не приключится в дороге... Та же недавняя история с самим генсеком, который нередко любил на досуге порулить, к чему и подбивали томившиеся в бездействии прекрасные авто, одно лучше другого, что теснились в генсековском гараже, подарки коллег из братских партий, ценивших страсть генерального к хорошей машине. Знакомый генерал из «девятки», как-то доверительно обмолвился: такой великолепный линейки, какую довелось увидеть в гараже генсека, ему доселе видеть не приходилось: «Бьюик», «Порше», «Линкольн», «Мерседес», «Вольво»...

Так вот, в тот день генеральный секретарь, ценивший хорошую машину и любящий приличную езду, у себя, на дальней, завидовской даче, сел на «мерседес» – подарок то ли партайгеноссе Эриха Хонеккера, то ли кого-то ещё из немецких товарищей. Народная молва тотчас отозвалась на немецкий подарок генсеку. Будто бы на одной пресс-конференции на Западе Леонида Ильича спросили: хорошо ли живётся российской интеллигенции? На что Леонид Ильич ответил: что вот ему только посчастливилось сесть за руль подаренного «Мерседеса», а шахматист Карпов с артистом Высоцким давным-давно на «мерседесах» раскатывают. И это только в Москве. А страна-то у нас широка. Взять хотя

бы Тбилиси и Ереван. Так что оценить широту вкусов нашей интеллигенции весьма непросто...

И вот, в тот солнечный сентябрьский денёк сел генсек в свой лазурного цвета «мерседес» и двинулся по хорошо знакомой дороге в сторону Твери. Ехал нормально, не более восьмидесяти, но машина сопровождения, что шла впереди, совсем некстати стала неожиданно почихивать, и водителю пришлось мало взять к обочине, ну и генсек, нет бы тоже приостановиться, так нет же, видимо ради куража, обошёл машину сопровождения. И обошёл чуть ли не на свою беду. Выскочивший из-за поворота долбаный «Уазик» ещё самую малость и влетел бы в генсековский «мерс».

Вряд ли бы остался невредимым дорогой немецкий подарок, а возможно, и наш генсек, ибо на «мерсе» той защитной брони, что имелась на «членовозе», как прозвали в народе «ЗИЛы», закреплённые за членами Политбюро, не было. Однако наш умелец из «девятки» вмиг оценил обстановку, ударил по газам заартачившейся «Волжанки», с ходу обошёл генсековский «мерс» и подставил бок своей лайбочки тому «Уазику». Слава Богу, обошлось без жертв, но тот парень из «девятки» крепко повредил левую руку... Да и был после возвращения из госпиталя вскоре уволен. Не потому, что чуть ли не стал инвалидом, а потому что оставил без прикрытия того, кого должен был надёжно охранять и беречь от всяких непредвиденных обстоятельств...

Зубков любил дорогу. Нередко, когда подолгу приходилось торчать на службе, остро завидовал сослуживцам, то и дело выпархивающим в ближние или же дальние командировки. В эту поездку Зубков, признаться, мог бы и не ехать. Было кому из сотрудников местного комитета присутствовать на мероприятии. Обычный праздник, устраиваемый музеем-заповедником, на

сей раз был посвящён и не больно-то существенной дате, а именно – приезду в гости к Ивану Сергеевичу в Спасское-Лутовиново именитой актрисы Савиной, в честь которой на территории усадьбы по указанию хозяина и был вырыт этот пруд...

Доподлинно было известно, кто приглашён и кто именно ожидается из гостей на запланированном мероприятии. Из иностранцев ждали двух французских лётчиков из эскадрильи «Нормандия-Неман», которая во время боёв над орловской землёй ровно за месяц до освобождения Орла от немцев была преобразована в авиационный полк. Лётчики по приглашению городских властей и гостили как раз в славном городе, и Спасское-Лутовиново органично вписывалось в их культурную программу. В знаменитую усадьбу были приглашены также и болгары из Разграда – города-побратима Орла.

Что до отечественных гостей, то ожидалась и первый секретарь обкома партии, и именитый художник, автор исторической диорамы, и некоторые из областных начальников, с которыми Зубков был знаком со времени прежних своих приездов в знаменитую усадьбу.

При въезде в Чернь Зубков слегка тронул плечо капитана Бурматова, попросив того притормозить у городского рынка.

– Надобно отовариться! – пояснил, поймав вопросительный взгляд старшего офицера Быкова. Тот уже намеревался выйти из машины, но Зубков опередил его, легко соскользнув со своего заднего сиденья, прихватив лёгкую белую кепчонку, озорно приторочив её на затылок. Быков, как тень, вырос за спиной в белой, как и у шефа, рубашонке, с таким же коротким рукавом.

– Чур, – заметил Зубков, – прежде чем купить, стоит поторговаться. Это же рынок...

Быков согласно кивнул.

Он знал, что Зубкову нравилось заглядывать на рынки-базары, которые в любом большом или малом городе, как считал он, могут сказать о многом. И прежде всего о том, как и чем живут люди. В самом прямом смысле слова. Он был убеждён, что свой рабочий день каждый уважающий себя руководитель района или области должен начинать не с просиживания у телефона в ожидании звонков, а именно с короткого визита на тот же рынок или же базар, с белугого взгляда на прилавок... Идеология важна, нужна. Её никто не отменял, но вряд ли она пойдёт впрок голодному человеку.

Правда, от голода народ давно уже не страдает. Но правда и то, что до изобилия ещё далековато. Как, впрочем, и до коммунизма, о котором прежний первый секретарь ЦК, большой поборник внедрения на российские поля кукурузы, в известном выступлении на очередном съезде партии тем не менее заявил, что нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме. И эти его слова кое-где поспешили отлить в металл и выставить на всеобщее обозрение.

Какое там нынешнее, дай-то Бог, чтобы внуки-правнуки увидели этот коммунизм... Всё что-то, нет-нет, да и мешает приблизить и осуществить эту вековечную мечту человечества. То внутренние, то внешние враги, то всякие иные проблемы. Всё чего-то недостаёт. То большого, то малого. Потому-то стыдливо, всё реже и реже с высоких трибун стали говорить о коммунизме, вводя в оборот более щадящее, а именно: очередной этап строительства социализма, в который вступила страна в своём продвижении к намеченной цели... Тут Зубков невольно усмехнулся, вспомнив недавний разговор с коллегой из Оренбурга, который сказал, что над зданием известного в стране артиллерийского училища умудрились водрузить весьма привычный, далеко не новый, более того, примелькавшийся лозунг: «Наша цель –

коммунизм». Тоже додумались, где повесить! На артиллерийском училище! Чем тебе не анекдот...

Зубков довольно быстро обошёл рынок, щедро уставленный ягодами и зеленью, и довольно быстро купил, даже не особенно торгуясь, чуть ли не у своего ровесника, пожилого мужика, одетого, несмотря на довольно тёплый денёк, в тёплый, изрядно затёртый пиджак, добротную корзину вишни. Тут же угостил сочной, спелой вишней обоих попутчиков, охотно пояснив им, что это будет неожиданным и в то же время желанным подарком его хозяйке, любительнице вишнёвого варенья, как впрочем, и вареников с вишней, которые она весьма охотно и мастерски готовит...

Театрализованный праздник в тургеневской усадьбе прошёл весьма организованно и толково. Без длинных речей. Побывав на пруду Савиной, все дружно переместились к музею, выслушав экскурсовода – милую, белокурую женщину с мальчишеской стрижкой – о новых музейных поступлениях. Заглянули во флигель изгнанника, затем на конюшню, прошли по знакомой аллее, оформленной в виде римской цифры XIX, что символизировала век, в котором родился и жил великий писатель.

Зубков по ходу экскурсии успел поговорить и с секретарём обкома партии по идеологии, пожилой женщиной, с медлительной, тяжёлой походкой, охотно пояснившей, что присутствует здесь вместо первого секретаря обкома, отъехавшего срочно в столицу, сумел также перекинуться словечком с известным и уважаемым в городе да и в России народным художником, прихватившим с собой подарок лично для него – фляжечку его фирменной «курнаковки», мягкой, прекрасной на вкус водочки, настоящей на почках чёрной смородины. Зубков, разумеется, с благодарностью принял подарок старшего товарища-фронтовика.

Зубков с добрый час побродил по усадьбе, но от званого обеда, на который пригласил директор музея-усадьбы, вежливо отказался, решив отобедать вместе с коллегами в местном кафе, открытом пару лет назад по соседству с писательской усадьбой. Ему ещё с первого посещения понравилось это кафе, то, как там готовили. Больше всего запомнилась местная окрошка. Именно её и пригласил отведать коллег.

Кафе не подвело его ожидания. Окрошка была на славу. Лишь один Быков остался равнодушен к ней. Зато котлеты по-спасски оценил, аккуратно подчистив подливу корочкой душистого, свежеиспечённого хлеба.

День был солнечным, ярким, и Зубков разгуливал по усадьбе в солнцезащитных очках. Не снял он их и, присаживаясь на открытой веранде за свободный столик, который тотчас присмотрел и быстро занял Быков, ибо в кафе было многолюдно. Сели они удачно, так что можно было свободно наблюдать и за происходящим в кафе и любоваться видом на усадьбу.

Присаживаясь за столик, Зубков бросил взгляд и на соседей, обратив внимание на то, что в большинстве своём посетители кафе, как впрочем, и участники нынешнего праздника в усадьбе, молодые люди. Уже за окрошкой он почувствовал, что кто-то или что-то мешает ему в полной мере насладиться вкусной едой, и, приподняв голову от тарелки, понял, что именно: испытующий взгляд черноглазого с заметной горбинкой посреди длинного носа, слегка облысевшего человека в светло-синей джинсовой курточке.

Этот самый черноглазый, сидевший у деревянной резной колонны, смотрел в его сторону несколько вопросительно, смотрел так, как смотрит человек, пытающийся ответить на внутренний вопрос: кажется, мы знакомы?

Поняв, что и он тоже попал в зону пристального внимания, черноглазый незнакомец постарался поменять положение за столом, слегка повернувшись к нему спиной. И тут высверкнуло: так это же Григорьянц! Тот самый, что лет шесть-семь назад был осуждён за диссидентство. Да, да, Григорьянц! Насколько помнится, он отбыл срок в мордовских лагерях, тех самых, куда в достопамятном тысяча девятьсот пятьдесят седьмом был отправлен и первый его подопечный, аспирант МГУ Краснопевцев. Правда, тот был историком, а этот закончил журфак. Однако Григорьянц должен сейчас пребывать в Боровске, в сотне километров от столицы, как и полагалось для подобных ему. Что же, интересно, он забыл здесь, в Спасском-Лутовиново?

Да, но Григорьянц не один за столиком. Кто же, интересно, рядом с ним? Видна лишь кисть руки, оглаживающая боковину пивной кружки, когда же наклоняется к столу, то видать и покатые плечи, и крепкий коротко стриженный затылок... Нет-нет, это даже весьма забавно. Неужто Михайлов? Зубков слегка приподнялся, подавшись вперед, якобы за солонкой, на самом деле лишь для того, чтобы получше разглядеть сидевшего рядом с Григорьянцем.

Вот те на! – удивился, признав в собеседнике Григорьянца именно Михайлова. И был весьма огорчён этим. Такие вот они, эти самые семейные обстоятельства... О чем они там, интересно, могут толковать? Что заставило этого хренова диссидента притащиться из Боровска в Спасское? Действительно, что? Зубков быстро прокрутил в памяти случившийся в начале мая разговор с Михайловым. Именно в том разговоре всплыло имя Григорьянца. Насколько помнил Зубков, ничего лишнего в том разговоре, который мог бы оказаться полезным Григорьянцу, если, разумеется, Михайлов захотел бы поведать своему собеседнику об их

встрече, ничего лишнего в том разговоре не было обронено. Ровным счётом ничего.

Зубков окинул слегка сомлевших коллег, молчаливо кивнул и первым двинулся к выходу из кафе. Солнце по-июльски было щедро. Их чёрную «Волгу» прокалило изрядно. И как только машина тронулась, приспустил стекло, подставив лицо встречному ветерку, к месту вспомнив и начав негромко напевать любимый тургеневский романс. Правда, до осени ещё далековато. Еще добрых полтора-два месяца тепла. Но уж там, никуда не денешься, засентябрит, польёт с небес... И будут, непременно будут и утра туманные, утра седые, будут и размытые осенние дороги, и пряные запахи опавшей листвы, уже слегка тронутые холодными утренниками... Всё будет так, как и заведено в природе. Вслед за летом придёт осень...

А нынешней осенью, если ничто не помешает, он в дни долгожданного отпуска, непременно навестит Большие Гривны. Те самые, понравившиеся отцу, что он, помнится, окинув окрестные дали, как бы вобрав их в себя, задумчиво вздохнул: вот, мол, закончится война, и хорошо бы поселиться тут. Навсегда...

Да и в какой день загадал это? Тринадцатого июля сорок четвёртого ... Зубков в деталях, до мелочей запомнил этот солнечный день. Ему, наконец-то, на третий день выхода из госпиталя удалось догнать на марше родной полк. Их с отцом полк, в который был поначалу зачислен отец, ушедший добровольцем на войну в сентябре 1941-го, а затем и он, тоже добровольцем в октябре 1942-го... Не брали, не верили, что ему полных восемнадцать. И были правы, поскольку ему только что исполнилось шестнадцать. Но он всё равно не усидел бы дома и сбежал, непременно сбежал бы на фронт. И это было ясней ясного военврачу в белом халате поверх шинели, и потому тот, устало вздохнув, поставил свою подпись под ме-

дицинским заключением о годности его к строевой службе...

Это было редкое везение – служить родным по крови людям в одной части. Но за везением этим, уже тогда, он рядовой Денис Зубков, почувствовал умысел если не военврача, то секретаря горкома партии, а то и обоих, определить его поближе к отцу, которого они хорошо знали и уважали за принципиальность, как бы под присмотр, под отцовскую опеку. Хотя какая там может быть опека. Это обстоятельство, пожалуй, могло служить лишь утешением для матери, что сынишка её хоть и на войне, но подле родного отца...

Отец мечтал поселиться в этих местах... И поселился. Навсегда поселился в Больших Гривнах, но раньше загаданного срока, почти за год до конца войны. В тот славный солнечный июльский денёк 1944 года, когда довелось свидеться им, их полк, буквально через час, снявшись с обороны, маршевой колонной пошёл вперёд во втором эшелоне наступающих. Пошёл стремительно, совсем не ожидая, что из-за лесной гряды вынырнет «мессер», затем другой, щедро осыпав их осколочными. Один из этих осколков и воткнулся в грудь отца.

– Держись, отец! – только и смог выкрикнуть он, подхватив отца с земли, взвалив на себя, чувствуя собственную слабость, не успев ещё, как следует прийти в себя после тяжёлой операции и почти трёхмесячного пребывания в госпитале.

– Отец, держись, – повторял упрямо, волоча по земле тяжёлое тело. Отец же, теряя силы, всё твердил одно и то же:

– Ж...жжж...ааа...аль, ...жжж...ааа...ль...

О чём жалел отец, так и осталось тайной. В медсанбате ночью скончался от гангрены. Вот тебе и Большие Гривны...

Как бы там не сложилось с отпуском, осенью он непременно съездит на могилу

отца под Большими Гривнами. Поедет с обоими сыновьями. Пусть помнят и знают, где нашёл последний приют их дед, труженик, коммунар, солдат... За что сражался, за что отдал свою жизнь Денис Зубков и тысячи других, подобных ему? За что? Неужели за то, чтобы эта диссидентская шваль позорила родную страну, клеветала на завоевания социализма, на всё то, что дорого им?

Чем недоволен тот же Григорьянц? Тем, что за бесплатно получил образование в лучшем вузе страны? Что имеет прекрасную профессию? Как назвать все эти его словесные выкрутасы в студенческой среде? Все эти тщательно завуалированные опусы на окололитературные темы на страничках областных молодёжных газет. Как? Лишь чёрной неблагодарностью... Однако с Григорьянцем всё понятно. А вот с какого боку-припёку оказался тут Михайлов? Что могло связать их? Что? Лишь только то, что когда-то учились вместе в одном университете? Или нечто другое? Зубков старался припомнить их тогдашнюю недолгую беседу, прерванную важным звонком Председателя Комитета. Мол, учились в одном университете, на одном факультете. Потом, когда Григорьянцу некуда было пристроиться, позвал к себе в газету. Но тут ничего предосудительного нет. Или всё же нечто большее связывает их? Нечто большее, но тогда что именно?

Вообще-то досадно будет, если он просчитался с Михайловым. Весьма досадно. Хотя кто из них застрахован от всевозможных ошибок? Кто?

Кстати или нет, неожиданно вспомнился генерал Серов, на которого в конце пятидесятых смотрел восхищённо, как на истинного героя, да он и был таковым, пройдя войну, честь по чести заслужив золотую звёздочку Героя. И спокойно закончил бы свою службу, а уйдя на покой, охотно делился бы со школьниками или теми же курсан-

тами богатыми воспоминаниями. Так нет же, споткнулся... И ни тебе золотой звёздочки Героя, ни генеральской папахи... Лишили в одночасье. И всё из-за говённого «пня», как прозвали у них на Лубянке эту скотину Пеньковского.

Вообще, если хорошенько пораскинуть, так ли уж и виноват генерал Серов? Не он же притащил «пня» в Комитет, не он же рекомендовал его на службу в органы. Был другой человек повыше Серова. Тоже отмеченный звёздочкой Героя, но, в отличие от погон генерала армии, уже с маршальскими звёздами на погонах. У кого в ординарцах и бегал когда-то этот «пень»...

Не один об этот говённый «пень» споткнулся... Не один. А сколько эта тварь задавала работы всему Комитету... И тому управлению, что занималось резидентами, и тому, что оберегало нелегалов... Сколько было засвечено всего того, что никогда не должно было засветиться. Да и потом как всё это сказалось на климате самого Комитета! Друг другу перестали доверять... Да честно сказать, и по сей день это недоверие ощущается. Хотя уже третье поколение чекистов сменилось.

Нет-нет, никакому предательству не может быть ни малейшего оправдания. Никакому и никогда! За этими, как показалось Зубкову, недолгими размышлениями о жизни и службе он и не заметил, как вкатились в столицу, миновали Земляной вал и двинулись к центру города, разумеется, первым делом на Лубянку, хотя бы на четверть часика, а там, как сложится. Он любил свою непростую службу, которая редко давала покоя.

– Пожалуй, эта служба тебе дороже, чем я, – временами замечала супруга. Правда, говорила подобное лишь в первые годы замужества. Теперь же, на сороковом году супружеской жизни свыклась и перестала упрекать и подтрунивать!